

Владимир Малахов

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

I.

Масштабы транснациональной миграции, на первый взгляд, кажутся чем-то беспрецедентным. Если в 2000 г. в мире насчитывалось порядка 120 млн. человек, которые постоянно проживали не в той стране, в которой родились, то в 2003 г. таких людей было уже 150 млн., в 2005 – 180 млн., а 2009 – порядка 214 млн. человек³ При этом важно помнить, что все эти цифры весьма приблизительные. Достоверная статистика в этой сфере невозможна, ибо значительная часть транснациональных мигрантов неизбежно остается неучтенной⁴.

Скептики, правда, могут возразить, что в феномене транснациональной миграции ничего беспрецедентного нет. Перемещения огромных масс людей из одних уголков мира в другие происходили на протяжении всей человеческой истории. В течение относительно благополучного XIX века только из Европы в Америку в поисках лучшей доли переехали миллионы. Одна только Норвегия между 1850 и 1900 годами лишилась из-за эмиграции четверти своего населения. К тому же мы склонны поддаваться впечатлению от абсолютных цифр. Если же принять во внимание цифры относительные, то ничего экстраординарного в наши дни не происходит. На 2006 г., когда в США разгорелись горячие дебаты по поводу перенаселенности страны мигрантами, их количество по отношению к основному населению равнялось 13%. На 1914 год (пик иммиграционного притока) – иммигранты (т.е. люди, родившиеся за пределами Америки) составляли 15% от всего населения.

Кроме того, не стоит забывать, что при всей массовости потоков из стран мировой периферии (которые по недоразумению называют «развивающимися») в страны ядра значительная часть миграционных потоков протекает между периферией и полупериферией мировой политико-экономической системы. Примерно треть (по другим данным – половина) транснациональных мигрантов в наши дни – это переселенцы не из неблагоприятных стран бывшего «третьего мира» в

³ Данные Международной организации по миграции (International Organization for Migration).

⁴ О методиках подсчета, применяемых в современном мигрантоведении (Красинец, Кубишин, Тюрюканова 2002; Молодикова 2009).

благополучные страны «первого мира», а переселенцы из очень неблагоприятных стран в менее неблагоприятные страны того же «третьего» и «второго» мира: из Лаоса и Бирмы – в Таиланд, из Средней Азии и Закавказья – в Россию, из Мозамбика и Ботсваны – в ЮАР, из Украины – в Россию и в Польшу, из Бангладеш – в Индию, из Гватемалы и Гондураса – в Мексику, из Пакистана, Непала, Афганистана – в Объединенные Арабские Эмираты⁵, Саудовскую Аравию, Йемен, Кувейт и прочие нефтяные монархии Ближнего Востока.

И все же скептицизм по отношению к феномену транснациональной миграции вряд ли оправдан. Дело в том, что массовые перемещения трудовых мигрантов из одних стран в другие – это интегративная часть процесса экономической и социокультурной глобализации, т.е. нарастания взаимозависимости отдельных частей современного мира. Отметим в этой связи два принципиальных обстоятельства.

(1) Если угодно, именно благодаря миграции некоторые государства вообще существуют как политические единицы. От трети до половины их ВВП – за счет денежных переводов их граждан, которые трудятся за границей. У Киргизии и Молдовы этот показатель составляет около 30%, у Лаоса – 35%, у Таджикистана – 37%, у Гвинеи-Бисау – 48%.

Причем это – официальная статистика. Реальная ситуация может быть гораздо хуже, особенно если принять во внимание неравномерность развития внутри каждого из этих государств. Ведь в некоторых областях стран с более-менее сносными макроэкономическими показателями – скажем, на Украине или в Азербайджане – экономическая ситуация столь плачевна, что из этих областей уходит почти все трудоспособное население. Значительная его часть отправляется на заработки за границу⁶.

В былые времена подобные политические единицы исчезли бы с карты мира⁷. Такие носители суверенитета долго бы не просущество-

⁵ 85% трудящегося населения в этой стране – иммигранты. Сходные цифры характерны и для других упомянутых в этом списке государств. Хороший повод поразмыслить об истоках благополучия граждан (вернее, подданных) нефтяных монархий.

⁶ Например, в Молдове и Армении в начале 2000-х годов работника на выезде имело каждое третье домохозяйство. См.: Рязанцев 2005.

⁷ Мы имеем в виду времена, когда «национальное государство» не считалось модальной формой политического устройства, т.е. времена империй. Систематической критикой расхожих представлений о «нации» и «нации-государстве» как норме (по отношению к которой

вали. Но современное мировое устройство таково, что оно поддерживает фикцию суверенитета даже там, где эта фикция очевидна.

(2) Демократическая политическая система в странах Западной Европы, помноженная на несложную процедуру натурализации, имела своим результатом заметное изменение этнодемографической структуры населения. Сегодня в Германии - стране, в которой принадлежность к национальному сообществу долгое время определялась этническим происхождением, почти половина населения младше 15 лет (если быть точным, 45%), имеет «историю иммиграции». Это значит, что либо один из их родителей, либо их бабушка и дедушка родились за пределами страны. На 2002 год от матери иностранного происхождения рождался каждый восьмой ребенок в Британии, каждый пятый в Швейцарии и шесть из каждых десяти в Голландии. На 2005 г. иммигранты составляли 10% населения Швеции. Самое распространенное имя, даваемое новорожденным в 2010 г. в Лондоне – Мухаммед.

Можно сколь угодно долго предаваться ламентациям по поводу «заката Европы», но факт остается фактом. *Европейские страны сегодня* – так же, как страны Северной Америки (плюс Австралия и Новая Зеландия), суть *страны иммиграционные*. Иммиграционной страной является и Россия. Относительная индустриальная развитость и объем рынка труда делают ее привлекательной для ищущих работу граждан постсоветских государств, а также граждан стран Юго-Восточной Азии с избыточным населением, прежде всего Китая.

II.

Транснациональная миграция – феномен многомерный. Он имеет и экономико-демографический, и политический, и социально-антропологический, и социокультурный аспект. В ходе изучения этого феномена сложилась особая отрасль знания – междисциплинарное мигрантоведение (*migration studies*). У нас, к великому сожалению, проблематикой транснациональной миграции занимаются в основном демографы и экономисты⁸. Что касается политологов и, шире, обществоведов-гуманитариев, то они, по большей части, пишут об этом

все иные формы политической организации следует считать патологией), занимается группа историков из Казани, издающих журнал *Ab imperio*. См., например: Герасимов и др. 2004.

⁸ Надо, впрочем, отдать должное специалистам из Института народнохозяйственного прогнозирования, на протяжении полутора десятилетий исследующих феномен миграции во всей его сложности. См., например: Витковская 1999; Зайончковская 2003; Витковская, Зайончковская 2009.

явлении в аспекте безопасности⁹. Исключения достаточно редки¹⁰. Мы не станем здесь затрагивать вопроса о том, в какой мере транснациональная миграция вносит вклад в обострение социальной напряженности или в ухудшение криминогенной обстановки – эта тема явно требует отдельного разбирательства. Отметим лишь, что излишняя *секьютеризация* проблематики миграции вряд ли способствует исследовательскому поиску.

Но дело не исчерпывается лишь теоретическим дефицитом, порождаемым секьютеризацией иммиграционной проблематики. То, что в российских публичных дебатах доминирует интерес к негативным аспектам влияния иммиграции на принимающее общество, имеет своим следствием *игнорирование потенциала иммиграции*, нежелание рассматривать иммиграцию в качестве ресурса. Ресурса экономического, демографического и – хотелось бы это подчеркнуть – культурного.

III.

Существует, по меньшей мере, два предубеждения относительно транснациональной миграции, которые мы хотели бы опровергнуть.

Предубеждение первое связано с верой в то, что основной поток мигрантов составляют бедные плохо образованные люди. Однако реальное положение дел выглядит иначе. По данным Всемирного банка (анализ выборки из 52 млн. мигрантов в 20 развитых странах) – 36% из них закончили колледж.

Здесь с самого начала необходимо ввести различие между двумя типами транснациональной миграции: вынужденной и добровольной¹¹. К добровольной миграции принято относить случаи, когда отъезд из страны рождения и постоянного проживания в другую страну осуществляется на основе *индивидуального выбора*. Иными словами, когда отдельные индивиды принимают *решение* эмигрировать. В

⁹ Миграция рассматривается как угроза «экономической», «социокультурной», «этнокультурной» и «духовной» безопасности. Приводить имена авторов с подобными установками мы здесь не будем, чтобы не популяризировать то, что, на наш взгляд, популяризировать не следует.

¹⁰ К их числу относятся, безусловно, социологи Андрей Коробков, Владимир Мукомель, социальный географ Ольга Вендина, историк Владимир Дятлов. См. Коробков, Мукомель 2008; Вендина 2008; Дятлов 2009.

¹¹ При этом полезно помнить об относительности этого различия. Мотивом передвижений, которые воспринимаются как «добровольная» миграция, часто является отчаяние (невыносимые экономические условия жизни). Так что «добровольная» миграция в известном смысле также является «вынужденной».

противовес этому, к вынужденной миграции причисляют случаи, когда большие массы людей перемещаются из одной страны в другую не по своей воле – в противном случае им грозит истребление или голодная смерть. Бегство из страны двух миллионов иракцев, оказавшихся в невыносимых условиях после военного удара и оккупации 2003 года, представляют собой пример вынужденной миграции, тогда переселение в Британию на протяжении последних полувека жителей Индии и Пакистана служит примером добровольной миграции.

Поскольку предметом нашего внимания выступает по преимуществу добровольная миграция (в частности, переезд из неблагоприятных регионов «Юга» в благополучные регионы «Севера»), следует учитывать одно принципиальное обстоятельство социально-психологического свойства. На эмиграцию (т.е. на то, чтобы навсегда покинуть свою страну) решаются, в основном, наиболее мобильные, энергичные и готовые рисковать люди¹². Индивиды, не располагающие достаточными ресурсами (в том числе морально-психологическими), как правило, предпочитают держаться за насиженное место до конца.

Предубеждение второе связано с представлением о том, что мигрантам свойственно *нежелание интегрироваться* в сообщество принимающей страны. Этим нежеланием, якобы, объясняется маргинальное положение мигрантов, их изолированность от принимающего сообщества (процессы их «анклавизации», «геттоизации» и т.д.). Тем самым молчаливо предполагается, что корень проблемы – в культурных различиях. На наш взгляд, однако, логика объяснения этих процессов должна быть обратной: двигаться следует *не от культуры к маргинальности, а от маргинальности к культуре*.

Основной мотивацией транснациональной миграции, равно как и социального поведения мигрантов на новом месте жительства, является мотивация социально-экономическая. Люди, отважившиеся на переезд в другое государство, озабочены в первую очередь собственным благосостоянием и благосостоянием своих детей. Поэтому для них изначально характерно как раз желание влиться в жизнь принимающей страны. Проблема, однако, в том, что на пути этого желания

¹² Например, молодые мужчины, отправляющиеся из Средней Азии искать лучшей доли в России, часто продают корову или дом или берут деньги в долг, рассчитывая на свою платежеспособность по прошествии одного-двух лет.

возникает множество препятствий. Ниша на рынке труда, которую уготовано занять большинству мигрантов – это, как правило, тяжелая, непрестижная и не слишком хорошо оплачиваемая работа¹³. Коррелят невысоких доходов – расселение в пригородах или в городских кварталах с низкой стоимостью жилья. Концентрация бедности в этих местах делает их априорно «неблагополучными». Здесь плохие школы, высокий уровень преступности, плохо развитая социальная инфраструктура, высокий уровень безработицы и т.д. Мигранты попадают в результате в своеобразный порочный круг. Для того чтобы перестать быть маргиналами и стать «нормальными» уважаемыми членами общества, надо покинуть ту социальную среду, в которой они живут. Но для того чтобы это стало возможным, надо повысить свой социальный статус (уровень доходов, уровень образования и т.д.), т.е. перестать быть маргиналами. Таким образом, маргинальность мигрантского населения по отношению к основному населению принимающей страны – побочное (и непреднамеренное) следствие их положения на социальной лестнице.

Ситуация усугубляется оттого, что на социальные различия накладываются культурные различия. Маргиналы – это, в основном, мигранты (а значит, в массе своей, «иногородцы» и «иноверцы»). А мигранты – это, в основном, маргиналы. Отсюда и проистекает иллюзия, будто проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, коренятся в их культурной отличности от принимающего населения, в неудовлетворенном запросе на «культурную идентичность» и проч.

Я хочу быть правильно понятым. Я не собираюсь отрицать значимость культурных аспектов иммиграционной проблематики. Я лишь подчеркиваю недопустимость *культурализации* общественных проблем – интерпретации напряжений и противоречий, имеющих социально-структурное происхождение, в качестве «конфликтов культур». Дело заключается не в культурных различиях как таковых, а в наложении друг на друга социальных и культурных различий.

IV.

В исследовательской литературе по транснациональной миграции нет недостатка в теориях. На настоящий момент за право объяснить происхождение и динамику различных иммиграционных режи-

¹³ Сбор урожая в агропромышленном комплексе, малярные и штукатурные работы в строительстве, уборка в гостиничном бизнесе, мойка посуды в ресторанах и т.д.

мов¹⁴ соревнуются четыре основных подхода. Их можно обозначить как (1) экономический, (2) государствоцентричный, (3) культурцентричный и (4) инструментальный.

(1) Сторонники экономического подхода заняты подсчетом выгод и издержек, связанных с транснациональной миграцией. При этом речь идет о выгодах и издержках как принимающих, так и отдающих стран. Например, к выгодам, которые получают от миграции отдающие страны, относятся денежные переводы из-за границы (так называемые *remittance*), а также уменьшение потенциальной армии безработных (что в трудоизбыточных регионах достаточно важно); к числу их издержек – отток из страны представителей профессий, жизненно необходимых для функционирования общества и государства (врачи, медсестры, учителя, квалифицированные инженеры и т.д.). Что касается принимающих стран, то к числу издержек, приносимых миграцией, относятся давление на уровень заработных плат и повышение конкуренции за рабочие места в некоторых отраслях экономики, а к числу выгод – замещение недостатка в рабочей силе (возникающее по причине убыли трудоспособного населения), солидная доля в ВВП от труда мигрантов, а также вклад мигрантов (в том числе нелегальных) в потребительскую активность: только в виде налога с продаж они вносят в бюджет страны немалые суммы.

(2) Второй из обозначенных подходов называют также институциональным. В центре внимания здесь находится структура бюрократического аппарата и его преференции в отношении к иммиграции - в рамках каких ведомств действуют те или иные службы и из какой модели государства исходят и т.д. Например, институцией, долгое время отвечавшей за иммиграционную политику в США, была Служба иммиграции и натурализации (The Immigration and Naturalization Service). Однако начиная с 2002 (под влиянием событий 11 сентября 2001 г.), эта служба утратила автономию и перешла в подчинение Департамента национальной безопасности (Homeland Security Department).

Что касается модели государства, на которую ориентируется бюрократия в той или иной стране, можно выделить (а) «имперскую», (б) «либеральную», (в) «этническую» и (г) «мультикультурную» модели.

¹⁴ О понятии «иммиграционный режим» см. подробнее: Малахов 2010.

(а) Наиболее характерные примеры имперской модели - Великобритания до 1961 г. и Нидерланды до 1980-х. В обеих странах после демонтажа империй во второй половине 1940-х годов существовал режим свободного въезда – с последующей натурализацией - выходцев из бывших колоний.

(б) Либеральная модель распространена в большинстве государств Западной Европы. В ее основе лежит концепция индивидуальных прав. Вопросы по разрешению въезда и получения гражданства выходцами из других стран определяются на индивидуальной основе, исходя из потребностей государства и его обязательств по международным гуманитарным конвенциям. Впрочем, такая страна как Франция, в настоящее время относящаяся к либеральной модели, до начала 1960-х годов практиковала элементы имперской модели (по отношению к мигрантам из Алжира и Сенегала действовал особый режим въезда и натурализации).

(в) Этнической моделью принято называть иммиграционные режимы, основанные на представлении о ценности этнической однородности национального сообщества. Чистый случай в этой связи представляла собой ФРГ до 1999 года включительно (с 2000 г. здесь действует законодательство, в котором прежнее определение национальной принадлежности как принадлежности сообществу происхождения упразднено). К смешанным случаям (сочетающим элементы этнической и либеральной модели) относятся Испания, Греция и Италия.

(г) Наконец, мультикультурная модель действует в государствах, правящие круги которых взяли за основу обращения с иммиграцией признание коллективных прав. Чистый случай здесь - Канада после 1971 г. (когда была официально провозглашена концепция билингвизма и мультикультурного характера канадской нации). Смешанные случаи представляют собой Швеция¹⁵, Нидерланды с начала 1980-х до начала 2000-х¹⁶, Австрия¹⁷, а также ФРГ после 2000 г.¹⁸

¹⁵ В шведском законодательстве вплоть до середины 1990-х годов вопросы защиты «прав меньшинств» рассматривались в одной корзине, будь то права финнов, саами или иммигрантов.

¹⁶ С 1983 г. в Нидерландах была принята программа «мультикультурной» интеграции иммигрантов, которая предлагала спонсирование государством этнических организаций, образуемых выходцами из других стран. В 2003 г. на смену «мультикультурализму» пришла политика «гражданской интеграции», в центре которой находится обязательное участие мигрантов и членов их семей в специальных учебных курсах и тестах (на знание языка и Конституции страны).

(3) Культурцентричный подход к формированию иммиграционных режимов прочно ассоциируется с классической работой Роджерса Брубейкера «Гражданство и национальность во Франции и в Германии» (Brubaker 1992). Целый ряд исследователей вслед за американским социологом полагают, что способ, каким то или иное государство строит свою политику в отношении въезда в страну и последующей натурализации иммигрантов, определяется политической культурой данного государства. Политическая культура, в свою очередь, определяется тем, как понимается природа национального сообщества. Если для Франции с ее приверженностью гражданской модели нации характерно законодательство о гражданстве, основанное на праве почвы (*jus soli*), то Германия именно потому и настаивала на законе о гражданстве, основанном на праве крови (*jus sanguinis*), что для нее характерно этническое понимание сущности нации.

(4) Наконец, последний из выделенных нами подходов мы назвали инструментальным. Его представители убеждены в том, что отношение государства к иммиграции и иммигрантам определяется отнюдь не особенностями политической культуры, а соображениями экономической и политической целесообразности. В отличие от сторонников «государствоцентризма», инструменталисты делают акцент не на ресурсах, находящихся в распоряжении бюрократического аппарата, а на *балансе власти*, складывающемся в игре различных политических сил - политических партий, бизнеса, профсоюзов и этнических организаций.

V.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что Россия является иммиграционной страной. Наша зависимость от иммиграционного притока носит *структурный* характер. (Убыль трудоспособного населения к 2025 г. – по самым осторожным подсчетам – составит 12 млн. человек).

Разговоры о том, что нужно больше рожать, в которые любят пускаться некоторые российские политики, аттестующие себя как «консерваторы», – из области демагогии.

¹⁷ В Австрии действует широкая культурная автономия для исторических меньшинств (в частности, для хорватского и словенского), а с конца 1980-х по конец 1990-х государство инициировало и спонсировало программы поддержки «меньшинств», формируемых иммигрантами.

¹⁸ Мы имеем в виду упомянутые выше изменения в Законе о гражданстве (2000), а также и в Законе об иммиграции (2002).

Даже если принять (что на самом деле – нереально), что каждая российская женщина детородного возраста захочет в ближайшее время завести троих и более детей, они вступят на рынок труда не раньше чем через 20-25 лет.

Преобразование России в иммиграционную страну ставит перед отечественным экспертным сообществом серьезную задачу. Это задача теоретического освоения феномена транснациональной иммиграции во всей его многомерности. Не занимаясь таким освоением, мы рискуем упустить время.

Литература

Вендина О. 2008. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // *Вестник Института Кеннана в России*. Вып. 13. М.: Институт Кеннана.

Витковская Г.С. 1999. Вынужденная миграция в Россию: итоги десятилетия. // *Миграционная ситуация в странах СНГ / Под ред. Ж.А.Зайончковской*. М.: Комплекс-Прогресс. С.159-195.

Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. (ред.) 2004. Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004.

Дятлов В.И. (ред.) 2009. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Зайончковская Ж.А. (ред.) 2003. Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Зайончковская Ж., Витковская Г. (ред.) 2009. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Центр миграционных исследований. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Москва: Адамант.

Коробков А.В., Мукомель В.И. 2008. Опыт миграционной политики США: уроки для России. Московское бюро по правам человека. М.: Academia.

Красинец Е., Кубишин Е., Тюрюканова Е. 2002. Нелегальная миграция в России: выбор стратегии регулирования // *Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / Под ред. Г.Витковской*. М.: Гендальф. С.227-259.

Малахов В.С. 2010. Иммиграционные режимы в государствах Запада и России: теоретико-политический аспект // *ПОЛИС*. №3. ПОЛИС. №4.

Молодикова И, Дювель Ф. (ред.) 2009. Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования. М.: Университетская книга.

Рязанцев С.В. 2005. Трудовая миграция в СНГ: тенденции и проблемы регулирования // *МЭиМО*. №11. С.65-69.

Brubaker R. 1992. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*, Cambridge, Mass.